

Образование является фактором, формирующим личность. Поэтому так важны стратегические решения, которые принимаются в области образования: систему нельзя перестраивать «противоестественно». Человеческому существу для психологического комфорта необходима система, или шкала ценностей, которая задается природой архетипа поведения. В процессе обучения или при формировании педагогических систем мы должны адекватно отображать строй жизни, воспитывающий человека, поскольку он является культуuroобразующим фактором. В противном случае, если система обучения, а затем и среда будут вынуждать совершать поступки вопреки архетипу, заложенному в подсознании,

человек будет испытывать психологический дискомфорт.

Основной вывод по обозначенной нами проблематике следующий: ментальность и архетип участвуют в формировании педагогических систем как результат работы сознания, основывающийся на бессознательном. Ввиду того что в период «бессознательного» культурно-исторического типа формируется психологический облик этноса, каждый его представитель генетически аккумулирует в себе соответствующие формы психоактивности, связанные с ментальностью народа. Это подтверждается наукой психологией, концептуально рассматривающей ментальность в аспекте генетических форм психоактивности.

Поступила 28.04.03.

КУЛЬТ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЫ ВОДЫ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ И В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В.И. Рогачев, доцент кафедры истории мировой художественной и национальной (мордовской) культуры МГПИ им. М.Е. Евсевьева

В статье дается материал о культе покровительницы воды Ведь-аве в свадебной обрядности и фольклоре народов Среднего Поволжья. В исследовании сообщается новая информация о религиозном мировоззрении и мифопоэтическом восприятии окружающей природы финно-уграми и тюркскими народами. Статья представляет интерес для фольклористов и этнографов, преподавателей национальной культуры.

This article provides material on the water guardian cult (Vedava) in the marriage ceremonies and folklore of people from the Central-Volga region. This study gives new information on the religious Weltanschauung and mythological-poetic perception of the natural environment of the Finno-Ugrian and Turkic peoples. The article will be of interest to folklorists, ethnographers and teachers of national culture.

Демократизация общественно-политической жизни России в 90-е гг. XX в., интенсивное развитие межэтнических процессов породили глубокий интерес к национальной культуре, к проблемам ее становления и последующего развития, поставили на повестку дня вопрос о преподавании дисциплин культурологического цикла. Среди таких дисциплин важное место занимают вузовский и школьный курсы по изучению национальной культуры. И это вполне закономерное явление, продиктованное современными реалиями. Знание компонентов этнической культуры, понимание ее особенностей служат залогом поступательного раз-

вития такого полиэтнического государственного образования, как Россия.

Жизнь подтвердила правильность введения в учебные программы вузов и школ Республики Мордовия курса «История национальной (мордовской) культуры». Вместе с тем повседневная практика и реалии учебного процесса указывают на недостаточное количество часов, отводимых на базовый курс, для продуктивного изучения ряда вопросов национальной культуры. Компенсировать этот недостаток в вузе с успехом могут курсы по выбору, а в школе — факультативные занятия, на которые могут выноситься проблемные темы, актуаль-

© В.И. Рогачев, 2003

ные материалы, публикующиеся в научной периодике. Это позволит интересующимся национальной культурой находиться в курсе последних научных изысканий в финно-угроведении, включать новинки в учебный процесс, делая его более интересным и насыщенным в информативном плане.

Предлагаемый нами материал о культе покровительницы воды в обрядовой культуре мордвы может быть предложен как студентам, так и учащимся средних школ, как в финно-угорском, так и в средневолжском контексте. Вполне уместно во время объяснения использовать межпредметные связи, включать информацию о религиозно-мировоззренческой философии и верованиях мордвы, ее истории, этнографии и фольклористике. Форма подачи материала может варьироваться в зависимости от поставленных задач.

Небольшой по объему материал, рассказывающий о культе покровительницы воды в свадебном обряде, рассчитан на один час. Его подача в указанном методическом ключе не вызовет у преподавателя затруднений. Кроме того, при обогащении материала сказками, мифами он будет доступен для детей младшего школьного возраста и воспитанников детских садов. При этом целесообразно рассказ иллюстрировать картинками, рисунками, а затем попросить детей нарисовать образы мифологических персонажей, раскрыть свое видение покровителей природных стихий.

У мордовского народа, чья жизнь проходит в местах, изобилующих большими и малыми реками, родниками и ручьями, озерами, в дохристианских религиозных верованиях одно из важных мест занимало обожествление воды, держательницей которой считалась Ведь-ава (ведь — «вода», ава — «женщина»)¹. Ее власть, по поверьям мордвы, распространялась на все водные источники: каждый колодец, родник, озеро, река имели свою Ведь-аву. В мифологических представлениях людей она оживала как антропоморфное существо, в виде молодой красивой женщины:

Лицязояк мазыйне,	Лицо у нее красивое,
Сельминензэ раужот,	Глаза у нее черные,
Пря через ашине,	Волосы у нее белые,
Судынезэ вишкине,	Носик у нее маленький,
Турвинензэ човинеть,	Губки у нее тоненькие,
Потинензэ куинеть ² .	Грудь у нее полные.

В зависимости от предполагаемого места жительства покровительницу воды звали Кумбо-ава, Лисьма-ава, Рав-авушка. У нее просили дождей во время засухи, грозящей недородом и голодом. Большую роль это существо играло и в обрядах жизненного цикла. Мордва-мокша, например, отводила невесту к реке на второй день свадьбы. Тропинку кропили медовым пуре (ритуальный напиток); с собой несли яства, напитки, дары. У водоема устраивался «озкс» (молян), который вели пожилые, знающие толк в ритуалах женщины. Во время моления лили в воду пуре, бросали лепешки, кусочки хлеба, мяса, монетки — мелочь, дешевые медные перстенечки. Иногда в жертву приносили курицу. Невеста трижды кланялась воде, просила покровительства в деторождении, семейного счастья. К помощи Ведь-авы прибегали и в случае бесплодия. Женщины во время моляна приносили жертву — петуха. Ему перевязывали шелковой лентой ноги и привешивали «пайгоня» (колокольчик). Бездетные женщины устраивали «ведь-озкс», во время которого обращались к покровительнице с молитвами и просьбами о чадородии. По свидетельству корреспондентов, это происходило в глухую полночь, чтобы никакая случайность не могла нарушить ход ритуала и помешать магическим действиям³.

Помимо покровительства стихии воды богиня олицетворяла собой плодородие и чадородие. Этнографами отмечено, что с молитвой о подании детей к ней обращались молодожены, чья вера в оплодотворяющую силу воды была основана на ее свойстве давать плодородие природе. Обращения к ней отличались уважительностью и одухотворенностью, глубокой верой в силы и возможности божества, а также подобающей ситуации лиричностью: «Ведь-ава, матушка... сия ладсо лисят, сырне ладсо кеверят, эрва мезе шлят нардат, эрва таркас эрват...»

(«Богиня воды, матушка... серебряным ключом бьешь, словно золото катишься. Все моешь-вытираешь, во всяком месте нужна...»). В этнографической копилке ученых имеется материал о том, что девушка, заболевшая от воды — «наркоть», чтобы не потерять способность к деторождению, должна была принести Ведь-аве пшена, соли, хмеля и обратиться к ней сама. В случае, если она не знала, как это делается, прибегали к помощи старухи-знахарки, которая обращалась к богине воды со словами: «Ведь-ава, Ведь-атя простите ее, она простит вас». По окончании молитвы девушка должна была три раза поцеловать воду»⁴.

В традиционном свадебном обряде мордвы ритуалы, связанные с водой, занимают большое место. На следующий день после венца невесту представляли умершим предкам и хранителю двора, которому она отвешивала поясной поклон и в дар клала медное кольцо или перстенок. После этой процедуры ее подводили к колодцу, объявляя, что в дом взяли сноху, которая будет приходить за водой и рано утром и поздно вечером, просили хранительницу колодца полюбить ее. Невеста отвешивала божеству поясной поклон и дарила кольцо (бросала в воду)⁵.

К описанному обряду близок по типологии старинный обряд «Ведь кинь невеста» — указание дороги к воде, зафиксированный в селе М. Кармалы Буйинского уезда Симбирской губернии, где он в прежнее время совершался весьма торжественно. Похожий обряд существовал в мокшанских селах Самарской губернии Алешкино и Алексеевка до начала XX в. Молодую, невзирая на наличие колодца во дворе, выводили к речке, и обязательно подальше от дома. Обычно эту праздничную процессию возглавляли старухи, которые несли разную снедь, ритуальные напитки: пуре, брагу. За ними шли девушки с ведрами, ушатами; нестройной толпой двигались невеста, поезжане и гости. В этом шумном народном карнавале можно было увидеть переодетых женщин, в шапках и лохмотьях, мужчин в женских одеяниях, с измазанными сажей лицами. Их продвижение

к реке сопровождалось шумом, гамом, стуками по заслонке, звуками трещотки, некоторые имитировали езду на лошадях — скакали на палочках-криульках. На берегу устраивали моление Ведь-азораве. В ходе церемониала «сообщали» имя молодой и просили не причинять ей вреда, когда она будет приходить сюда за водой или умываться⁶.

Подобный обряд, связанный с культом воды, можно было наблюдать и у близкого к мордве финно-угорского народа — удмуртов, по мифологии которых хозяином воды был «вумурт». Основанный на представлении о воде как основе мироустройства и уважении к ней как прародительнице жизни на земле, обряд удмуртов «сялтым» предусматривал купание невесты. Молодую, готовящуюся стать матерью, удмурты обязательно купали в реке. Даже в том случае, если свадьба проходила в зимнее время, обряд не отменялся — он лишь переносился на время сенокоса. «Причащение невесты к новому роднику, источнику воспринималось как причащение к новой жизни, новому роду», — отмечают исследователи⁷.

В церемониальном отношении мордовский обряд был усложнен тем, что «одирьва» (невеста) одаривала Ведь-аву кольцом, которое бросала в воду, а старухи кидали лепешки. После «озкса» начиналось игровое действо, в ходе которого молодая черпала воду, но поезжане стремились опрокинуть ведра, вылить воду. Это повторялось до трех раз и лишь на четвертый раз черпала, зачерпнув воды, шла домой. По пути от речки до дома продолжалось веселье: молодежь, поезжане и гости плескались, брызгали друг на друга водой. По приходу домой невеста обносила принесенной водой всех присутствующих, и в первую очередь свекра⁸.

Обычай знакомства с богиней и поклонения ей у мордвы при всей своей типологической общности имел некоторые региональные особенности. У мокши невеста отправлялась на речку с наложенными на голову полотенцами, которые предназначались в дар «Ведь-аве». Подобное наблюдалось и у основательно

обрусевшей мордвы-эрзи с. Помаево Чувашии, из значительного количества старинных обрядов и обычаев сохранились лишь некоторые и среди них — обряд вывода молодухи на воду. В отличие от вышеописанного карнавального шествия и действия в этом случае невеста обряд выполняла сама, отправившись с новым полотенцем на родник или речку в сопровождении девочки или родственницы, где умывалась, утиралась и, положив полотенце у родника, оставляла его в подарок Ведь-аве. После проведения обряда молодая могла безбоязненно ходить за водой на любой источник, расположенный в окрестностях селения⁹.

Типологически сходный с мордовским обряд существовал у татар-мишарей. В день свадьбы молодую водили к колодцу или к речке («су юлы курсэту»), где приносили в дар хранительнице воды («су иясе») пресные лепешки («кумэч») и серебряную монету, после чего она черпала ведрами воду, которой участники свадьбы обливались. Как и в предыдущем мордовском церемониале, соблюдалась магическая троекратность и лишь четвертую пару ведер молодуха несла домой¹⁰. Культ воды и поклонение хранительнице воды отмечаются и у других народов Среднего Поволжья¹¹. Так, у башкир был подобный по смыслу обряд «пыу юлы» — показ пути к источнику, что означало приобщение к чужому родовому культу, символизировало «оживление» в чужом роду невесты, покинувшей свой род. На наш взгляд, не в последнюю очередь это было связано с магико-религиозными представлениями о плодотворной силе воды. У башкир в отличие от мордвы во время шествия к воде невеста должна была молчать¹².

В описываемом обряде можно было наблюдать и некоторые другие особенности. Например, у татар и башкир в дар покровительнице воды приносилась серебряная монета, а не кольцо, как у мордвы. Прежде чем набрать воды, башкирская невеста должна была умиловить духов воды и обеспечить свою неуязвимость, бросив в воду монету со словами «Мине алма, уны ал» («Не трогай меня, а возьми вот эту мо-

нету») или «Сир-сырхауымды йот» («Унеси болезни и недуг»).

Продолжение обряда у башкир аналогично мордовскому: невеста принесенной водой угощала свекра и свекровь, затем начиналось чаепитие с участием родственников и гостей, которое постепенно перерастало в свадебное пиршество¹³. Чаепитие было более характерно для тюркских народов, нежели для мордвы и других финно-угров, которым чай как напиток стал известен довольно поздно.

Хронологически рассматриваемый обряд, вероятно, возник в глубокой древности, когда существовали религиозное мировоззрение, мифо-поэтическое восприятие окружающей природы. Позже, с возникновением семьи, в обряде сложился элемент приобщения молодой к новому для нее роду мужа. Обращение невесты с просьбой к покровительнице воды дать больше детей относится ко времени перехода человека от присваивающего хозяйства, охотничье-рыболовецкого быта к раннеземледельческому, когда появились воспроизводящее хозяйство и понятие о плодородии, тесно связанное со стихией воды и представлениями о ее животельной силе.

В свадебной обрядности мордвы мы имеем дело с Ведь-авой — антропоморфным существом. Ученые предполагают, что в глубокой древности формой персонификации воды у финно-угров было зооморфное существо — бык. Это предположение находит свое подтверждение в удмуртских легендах¹⁴. Отголоски подобного культового обряда слышны в эстонском фольклоре, в мордовской обрядовой культуре. Так, у мордвы в период цветения ржи проводился «букань озкс» (моление быку), во время которого животное испытывали водой; если оно вздрагивало, то было угодно богу. Бык олицетворял в данном случае не только мощь и силу, но и плодородие. В аналогичной роли выступают подземные быки, стоящие на страже подземных вод в «Калевале».

Зооморфная персонификация воды у мордвы связана и с образом коня. Об этом свидетельствуют коньковые привески из мордовских могильников¹⁵, а так-

же усеченные снизу изображения коней, напоминающие водоплавающих птиц¹⁶. Данное обстоятельство отчасти может быть разъяснением тому, почему часть ряженных во время обряда знакомства невесты с покровительницей воды скакали к реке на палочках-криульках, изображающих коней.

К культу Ведь-авы, на наш взгляд, относится и такое береговое действо во время свадьбы, как подпоясывание во избежание порчи жениха и невесты куском бредня¹⁷ со словами: когда колдун сможет распутать все узелки, тогда лишь сможет напустить порчу. Подобное действо встречалось и у ижорцев, когда невеста под сарафаном подпоясывала себя куском сети¹⁸. С высокой долей вероятности можно утверждать, что «комбоня» (бисерная пелерина) мокшанской невесты с. Кочетовка Инсарского района РМ и близлежащих сел тоже имеет отношение к культу Ведь-авы. По форме плетения это украшение напоминает среднеячеистую сеть. Его функциональное предназначение — береговое. Стилизованное изображение покровительницы в виде женской фигуры в ладье можно было встретить на женской одежде. В определенный период развития мордовского орнамента в отделке покая нашли отражение реально решенные символы обожествленной водной стихии¹⁹.

Как видим, культ обожествления воды у финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья имел различные проявления: в свадебной обрядности, в оформлении свадебного платья, в развитии декоративно-прикладном ис-

кусстве, в целом в духовной культуре этносов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998. С. 54.

² Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. B. 5. Übersetzt von Kaino Heikkilä und Paavo Ravila. Helsinki, 1977. P. 78.

³ См.: Мокшин Н.Ф. Указ. соч. С. 57.

⁴ Там же. С. 55—57.

⁵ См.: Евсеев М.Е. Избр. тр.: В 5 т. Т. 5. Саранск, 1966. С. 302.

⁶ Там же. С. 302—303.

⁷ Ванюшев В.М. Отражение культа воды в фольклоре и литературе удмуртов // Проблемы эпических традиций удмуртского фольклора и литературы. Устинов, 1986. С. 66.

⁸ См.: Евсеев М.Е. Указ. соч. С. 303.

⁹ Там же. С. 303—304.

¹⁰ См.: Мухамедова Р.Г. Татары-мишари: Ист.-этногр. исслед. М., 1972. С. 172.

¹¹ См.: Корнишина Г.А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: Исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000. С. 93—94; Султангареева Р.А. Башкирский свадебно-обрядовый фольклор. Уфа, 1994. С. 97.

¹² См.: Султангареева Р.А. Указ. соч. С. 97.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Ванюшев В.М. Указ. соч. С. 68—69.

¹⁵ См.: Мордовия. Народное искусство / Сост. Ю.Ф. Юшкин. Саранск, 1985. С. 10, 12.

¹⁶ См.: Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. М., 1973. С. 48.

¹⁷ См.: Евсеев М.Е. Указ. соч. С. 93.

¹⁸ См.: Косменко А.П. Текстильные изделия в свадебной обрядности ижорцев // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 51.

¹⁹ См.: Мордва: Ист.-культ. очерки / Под ред. В.А. Балашова. Саранск, 1995. С. 484.

Поступила 09.09.02.